

*Посвящается Каллуму,
Кэю и Финли.
Вы навсегда останетесь
моими самыми главными
достижениями в жизни.*

Некоторое время спустя

Бежать!

Было темно. Очень темно. Облака стремительно неслись по угольно-черному небу, заволакивая звезды и луну. Влага наполняла легкие, я втягивала воздух короткими глотками, и время от времени на меня волнами обрушивалась дурнота.

Силы быстро таяли. Кроссовки шлепали по бетону, и мне казалось, что я больше не слышу шагов за спиной, хотя из-за воя ветра об этом трудно было судить.

Тише! Ни звука!

Я испугалась. Очень испугалась.

Я лежала на животе. Замерев. Затаив дыхание. Ждала. Ладони жгло от боли, щеку саднило, преющие листья лезли в нос. Меня замутило, когда, осмелившись пошевелиться, я медленно подалась вперед, оперевшись локтем во влажную почву. Левым, правым. Левым, правым.

Теперь я лежала в подлеске. Колючки впивались мне в кожу, цеплялись за одежду, но я не решалась встать, думая, что здесь, в окружении деревьев, меня не заметят. Но в этот миг облака разбежались, и в свете луны я увидела рукав своей толстовки — невообразимо белый, несмотря на то что был заляпан грязью. Я выругалась. Идиотка! Идиотка! Идиотка! Я стянула с себя толстовку и спрятала ее под куст.

Зубы выбивали дробь от холода. И еще от страха. И от лихорадки. Слева под чьей-то ногой хрустнула ветка. Я инстинктивно привстала и оперлась на мысок, как бегун на старте. И сквозь грохот собственного сердца услышала кашель.

Звук раздался позади меня. Близко. Слишком близко.

Бежать!

Я рванулась вперед. Убеждала себя: *у меня получится*, хотя понимала, что лгу себе — долго мне не выдержать.

Облака снова закрыли небо, и землю окутала тьма. Я застыла на месте, не видя, куда поставить ногу. Земля была бугристая, а я не могла рисковать подвернуть лодыжку или что-нибудь сломать. Что же делать? Как отсюда выбраться? Порыв ветра отнес облака, и боковым зрением я заметила движение какой-то тени. Повернулась и закричала.

Бежать!

Глава 1

Настоящее

Каждый вторник между четырьмя и пятью часами дня я ходила лгать.

Мой врач Ванесса сдвинула на переносицу очки в роговой оправе и протянула мне упаковку бумажных платков, словно ждала, что именно на этом приеме все мои прегрешения извергнутся из меня и, ядовито-зловонные, испачкают ее полированный стол, с которого их придется стирать.

— Итак, Дженна, — она пролистала мою историю болезни, — приближается полугодовой рубеж. Как вы себя чувствуете?

Я пожала плечами и сняла с рукава неизвестно откуда взявшуюся нитку. Меня раздражали льющийся из баночки с ароматическими смесями запах лаванды и обилие растений с блестящими листьями в этом старательно продуманном пространстве. Но, ерзая на слишком мягком сиденье, я подавила досаду. Нельзя же, на самом деле, винить лекарство в резких колебаниях настроения.

— Все прекрасно, — ответила я, хотя это было далеко от истины. Эмоции рвались из меня, но, как только я попадала в кабинет Ванессы, слова завязывались в узел и не шли с языка. Как бы я ни хотела открыться, у меня ничего не получалось.

— Побывали где-нибудь на этой неделе?

— В пятницу встречалась с мамой. — Вряд ли это можно было назвать новостью. Я так поступала каждую неделю. Иногда мне вообще было непонятно, зачем я приходила к Ванессе. Я закончила курс назначенных мне предписаний и тем не менее безропотно таскалась сюда каждую неделю. Наверное, потому, что не умела справляться с собой и мне нравился установившийся порядок, эти недолгие мгновения нормального состояния.

— А на людях бывали?

— Нет. — Я не могла припомнить, когда я в последний раз выходила вечером развлечься. Мне было только тридцать, но я чувствовала себя по крайней мере вдвое старше. Сто лет ни с кем не общалась и предпочитала отсиживаться дома. Одна. Под охраной стен своего жилища.

— Как настроение? Нормализуется?

Я отвела взгляд. Ванесса имела в виду мою паранойю, и я не знала, что ей ответить. Почти в каждом медицинском назначении был тщательно подобран коктейль из лекарств, которые мне следовало принимать, чтобы не позволить организму отторгнуть мое новое сердце. Но страх, словно вторая кожа, сковывал меня, и мне никак не удавалось стряхнуть его с себя.

— Тянет... — Ванесса сверилась с записями, — ...куда-нибудь убежать?

— Да. — От выброса адреналина по коже у меня пошли мурашки, и футболка под мышками стала влажной. Накатившее ощущение приближающейся опасности было столь неодолимым, что казалось предчувствием.

— Если произошло нечто такое, с чем трудно справиться, нет ничего странного в желании убежать от собственной жизни. Нужно вместе работать, чтобы разорвать круг навязчивых мыслей.

— Не думаю, что это настолько просто. — Страх был таким же осязаемым, как тяжелое янтарное пресс-папье на столе Ванессы. — У меня случилось больше... — мне не хотелось рассказывать, но она смотрела на меня в своей особенной манере, словно видела насквозь, — ...эпизодов.

— Подобных прежним? Непреодолимое головокружение?

В ожидании ответа Ванесса откинула голову, и я пожалела, что вообще заговорила об этом.

— Да. Я не теряю сознания, но вижу все словно в тоннеле, и звуки становятся глуше. Приступы случаются чаще.

— Как долго они продолжаются?

— Затрудняюсь сказать. Вероятно, несколько секунд. Но, когда это происходит, мне так... — я оглянулась, будто ускользающее от меня слово было написано надо мной на стене, — ...страшно.

— Ощущение потери контроля над собой действует пугающе, Дженна, и это понятно, учитывая, через что вам пришлось пройти. Вы упоминали о приступах доктору Капуру?

— Упомянула. Он говорит, что панические атаки могут случаться от лекарств, которые я принимаю. Если полугодичный осмотр не выявит аномалий, он обещал отменить часть препаратов, и это должно помочь.

— Вот и хорошо. Вы скоро выходите на работу? — Ванесса сверилась с документами. — В понедельник?

— Да. Но сначала на неполный рабочий день.

Мои начальники Линда и Джон проявили большое великодушие, отпустив меня. Они были приятелями отца и знали меня почти всю мою жизнь. И хотя Линда сказала, что я не обязана возвращаться, я скучаю по работе. Я не могла себе представить, что пришлось бы все заново начинать на новом месте. Незнакомом. Но мне все равно было тревожно. Я так долго отсутствовала. Каково это снова ощутить себя нормальной? Меня беспокоила мысль, что придется общаться с людьми, — я слишком привыкла сидеть дома и коротать время наедине с собой. Как раньше говорила мама, заниматься всякой ерундой. Как она выражалась теперь, «уходить в себя». Но когда я находилась в своей квартире, то колкое беспокойство, которое постоянно копошилось во мне, чувствовалось не так остро. Однако жизнь продолжалась — ведь правда? И если я не заставлю себя ожить теперь, то, боюсь, не сумею сделать это никогда.

— Как вы себя ощущаете при мысли о возвращении на работу?

Я невольно приподняла плечи.

— Ежусь от страха, но борюсь. Твержу себе, что все будет хорошо. Родители меня не подерживают, пытаются отговорить. Это понятно: они считают, что нагрузка будет непомерной. Но Линда заверила, что я могу вживаться в работу постепенно: если устану, смогу уйти пораньше. И прийти попозже, если выдастся беспокойная ночь. — У меня всегда были хорошие отношения с Линдой, хотя в последние месяцы она
12 меня не навещала. Наверное, не пред-

ставляла, о чем со мной говорить. Никто не представлял. Людям становилось неловко со мной при мысли, что я одной ногой была на том свете.

— А родные донора? Вы по-прежнему пытаетесь с ними связаться?

Я поерзала на сиденье. Несколько месяцев назад я писала письмо за письмом, в которых изливала свою благодарность, но координатор по трансплантации отказывался их принимать. Я невольно приводила в них слишком много подробностей, и это давало родственникам донора возможность догадаться, кто я такая и где живу, что было против правил. Но без таких деталей текст казался мне холодным и безликим. В итоге я наняла частного сыщика, чтобы он их нашел и я смогла бы написать им напрямую. Их адрес стоил мне кучу денег, но дело того стоило: я смогла выразить, насколько признательна за их поступок, который так много значил для моих родных, и при этом не фильтровать слова. Я не собиралась больше их беспокоить и не рассчитывала на ответ, но они написали и, казалось, были искренне рады моему посланию. Однако я понимала, что Ванессе не понравится то, что ей предстоит услышать.

У меня пересохло в горле, я наклонилась вперед и протянула руку, чтобы взять стакан. Моя рука дрожала, кубик льда звякал о стекло, жидкость плеснула через край и оставила на джинсах мокрое пятно. Я сделала глоток, вслушиваясь, как где-то за спиной тикали настенные часы.

— Я встречаюсь с ними в субботу.

— О Дженна, это, право, неэтично.

Как вам удалось их отыскать? Вы пони-

маете, что мне придется сообщить о вашем поступке?

Я внимательно разглядывала свои туфли, мои щеки пылали огнем.

— Извините, не могу сказать.

— Вы же в курсе, что такие контакты не поощряются. — В каждом ее слове сквозило неодобрение. — Особенно на раннем этапе. Это грозит причинить страдание всем, а вас — отбросить назад на несколько стадий. Вполне достаточно благодарственного письма, но встречаться... Я просто...

— Я все знаю. Им говорили то же самое, но они хотят повидаться со мной. Искренне. Мне это тоже нужно. Всего один раз. У меня такое ощущение, что внутри меня находится кто-то другой, и я хочу понять, что это за человек. — Мой голос сорвался.

— Это стало у вас почти навязчивой идеей, Дженна, а вам это противопоказано. Какая польза от того, что вы выясните, чье сердце вам пересадили?

Цвета на картине за спиной Ванессы — современном сумбурном полотне — переплетались воедино, отчего мучительное сомнение только росло.

— Это поможет мне понять...

— Понять что? — Ванесса наклонилась ко мне и стала похожа на жокея в седле, посылающего коня вперед в предвкушении победы.

— Почему я жива, а кто-то за меня умер.

На обитом коричневой кожей диване, где я провела так много часов, образовалась вмятина.

С таким же успехом там мог бы находиться плакат: «ЗДЕСЬ ЖИВЕТ ДЕВУШКА

БЕЗ ЖИЗНИ». Прежде чем плюхнуться на привычное место, я зажгла свечу с ягодным ароматом. Я всегда чувствовала себя выжатой после того, как говорила с Ванессой, и совершенно не понимала отчего — то ли от избытка эмоций, которые, булькая, вырывались на поверхность, пока я сидела в ее безукоризненно опрятном кабинете, то ли от усилий их скрыть и не выпускать наружу. Я взяла с журнального столика альбом. Рисование всегда помогало мне снять напряжение. Я запустила через беспроводную колонку Джеймса Бэя, который пел о своем желании удержать реку, и, глядя на безликие стены, принялась твердо постукивать карандашом по колену, ожидая, когда накатит вдохновение. С тех пор как полгода назад от меня съехал Сэм, я намеревалась заняться ремонтом — приспособить квартиру под себя. Выкрасить светло-кремовые стены в солнечно-золотистый или насыщенно-красный цвет — те самые энергичные тона, которые Сэм не переносил. Вряд ли он сюда вернется, хотя, я знаю, он бы этого хотел. Сэм не желал разрыва, но я не в силах была видеть жалость в его глазах, когда он смотрел на меня после операции. Не могла выносить его суету вокруг меня и каждые пять минут отвечать на вопросы, как я себя чувствую. Не стоило ему быть связанным с таким человеком, как я, во всем помогать, словно мы старики и у нас больше ничего не осталось в жизни. Отпустить его было самым добрым делом в моей жизни, хотя каждый раз, когда я думала о нем, у меня все переворачивалось внутри. Мы старались оставаться друзьями: переписывались